

Sinskaia E.N. (1991) *Memories of N.I. Vavilov* [Vospominaniia o N.I. Vavilove], Kiev: Naukova dumka.

Shanin T. (1997) *Revolution as a moment of truth. Russia in 1905–1907 years — 1917–1922 years* [Revoliutsiia kak moment istiny. Rossiia 1905–1907 gg. — 1917–1922 gg.], Moscow: Ves’Mir.

Sobolev G.L. (2002) The mystery of the “German gold” [Taina «nemetskogo zolota»], St.Petersburg, Moscow: Neva OLMA-press.

Sobolev G.L. (2009) The secret ally. The Russian Revolution and Germany. 1914–1918. [Tainyi soiuznik. Russkaia revoliutsiia i Germaniia. 1914–1918], СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 476 с

Startsev V.I. (2006) *German money and the Russian Revolution: Unwritten novel by Ferdinand Ossendowski* [Nemetskie den’gi i russkaia revoliutsiia: Napisannyi roman Ferdinanda Ossendovskogo], St.Petersburg: Kniga.

Pringle P. (2009) *The murder of Nikolai Vavilov. The story of Stalin’s persecution of one of the twentieth century’s greatest scientists*, London: JR Books.

Vavilov Iu.N. (1973) *Near to N.I. Vavilov: a collection of memoirs* [Riadam s N.I. Vavilovym: Sbornik Vospominanii], Moscow: Sovetskaia Rossiia.

Vavilov Iu.N. (2008) *The long search. The book about the brothers Nikolai and Sergei Vavilov* [V dolgom poiske. Kniga o brat’iakh Nikolae i Sergee Vavilovykh], Moscow: FIAN.

В редакцию журнала «Историко-биологические исследования»³

В.И. ГЛАЗКО

Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия; vigvalery@gmail.com

Я приношу глубокую благодарность редакционной коллегии журнала, позволившей мне ознакомиться с рецензией М.Б. Конашева на мои монографии. Я искренне благодарен М.Б. Конашеву, потратившему существенное время на ознакомление с моей работой. Но всё-таки мне бы хотелось сделать несколько замечаний — как бы в ответ на рецензию, но скорее — рассмотрев её как повод, позволяющий мне высказать несколько личных соображений.

Мне очень понравилась рецензия, особенно в связи с её традиционностью — для отечественной науки. Она типична для наших рецензий на научные статьи, квалификационные работы и экспертные заключения. Шаблон таких рецензий известен — главное, отметить представленные разделы, перечислить технические дефекты, в некоторых частях — отсутствие оригинальности и если всё-таки оригинальность есть — отметить

³ Заметки автора к рецензии М.Б. Конашева на монографии Глазко В.И. «Николай Иванович Вавилов и его время: Путь на Олимп (Хроника создания и распада СССР)» (М., 2013) и «Николай Иванович Вавилов и его время: Великий перелом — путь на Голгофу (Хроника создания и распада СССР. Повинные в смерти)» (М., 2014).

«странность» подхода автора. Упоминание о «странности», нарушении научной иерархии, недопустимость ознакомления (цитата из рецензии) «...читателей с субъективным взглядом биолога на историю страны...» радует — как проявление хорошо знакомого равнодушия к попыткам осмысления какого-либо феномена. По сути, формальное отношение и равнодушие нашей научной среды и привело к потребности рассмотреть научную судьбу Н.И. Вавилова в трёхмерном пространстве разрушения исторически сложившихся российских традиций научных дискуссий в контексте социальных надежд и катастроф, их отражений в письмах великих современников, таких как В.И. Вернадский и В.Г. Короленко и т.д. Не знаю работ, в которых сделана такая же попытка столкнуть три потока информации: катастрофы страны, надежды и отчаяние в письмах выдающихся деятелей и события научной жизни Н.И. Вавилова. Естественно, именно этим и объясняется разбивка информации по годам.

В наших же рецензиях и не обсуждается замысел автора, он и не существенен. Но, если рассматривать рецензии в традициях Д.С. Мережковского, который полагал, что критическая оценка любой работы возможна только с позиций осуществления замысла автора, для чего надо уловить тот самый замысел, — то, конечно, такие рецензии задевают.

Но всё-таки, как понять основы формирования специфики того, что сейчас называется научной средой, не возвращаясь и не всматриваясь в прошлое, неотделимое от физического уничтожения целых научных школ и направлений, когда выжить можно было только принадлежа к определённому клану, когда жертвы быстро перенимали приёмы хищников, когда властные структуры брали на себя право быть носителями решающей, окончательной научной экспертизы? Как понять — на каком витке своего движения Российская академия наук настолько растеряла свой авторитет, что потребовалось опять вмешательство властных структур для её реформирования? Почему не удалось в этой самой научной среде до сих пор разработать вменяемые принципы своего реформирования? Может быть, именно из-за сформировавшихся ещё в те времена клановости и потрясающего неуважения к научному труду, к самой его основе — человеческой мысли? Самому ценному подарку, который у нас есть.

С гарантией можно сказать, что сама идея — оставить 150 научных подразделений, а остальные — куда-нибудь деть, соблюдая заботу о людях — тоже ведь выросла благодаря советам представителей той самой научной среды, покрытых разнообразными знаками своей научной квалификации... Так же, как в своё время на советах таких же квалифицированных представителей выростали идеи подавления и уничтожения таких, как Н.И. Вавилов, А.В. Чайнов, Н.Д. Кондратьев, и множество других...

Мне всегда был непонятен, именно как биологу, способ жизнеописания выдающихся людей без учёта того контекста, внутри которого эта жизнь происходила. Мы ведь все — продукты той самой социальной среды, которая много сложнее и больше, чем семья, университеты, друзья. Да, странный взгляд биолога на судьбу учёного, который больше всего был озабочен выживаемостью человечества, даже во времена гражданской войны и уничтожения представлений об исходной ценности человеческой жизни.

Понятно, что реализация идеи принципиально отличается от неё самой, и я вовсе не считаю, что эти монографии мне удалось, это ведь только слабое отражение того, что хотелось бы сделать. И, конечно же, зная замысел, горько рассматривать результаты. Тем не менее, теплится надежда, что, может быть, в том числе и благодаря им, кому-нибудь удастся сделать это много лучше, точнее и нагляднее, чем мне, показать,

как в совершенно невыносимых, смертельных условиях, несмотря ни на что, сохраняются островки жизни, бесконечного движения человеческой мысли, внутренней потребности расшифровывать законы живого, вне зависимости от того, кто берёт на себя право судить и править твою жизнь. Именно этому служат эпитафии к каждой главе — цитаты из высказываний современников, сохранивших внутреннюю свободу, несмотря ни на что. Уверен, что без реконструкции корней формирования особенностей нашей современной научной среды мы не сможем понять свою беспомощность, необходимость для большинства научных подразделений работ по типу «бюро научного перевода», основанных на перенесении опубликованных в мировой печати идей и разработок на отечественную почву, с утратой оригинальности и самоуважения. И именно это в большей степени, чем отсутствие денег, ведёт к той самой «утечке мозгов», которым просто скучно и некомфортно в такой среде.

Ещё раз благодарю редакцию за предоставленную мне возможность ознакомиться с рецензиями на мою работу.

С глубоким уважением.

To the Editorial Office of the Journal “Studies in the History of Biology”

VALERII I. GLAZKO

Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Moscow, Russia; vigvalery@gmail.com

Эпоха академика Вавилова

В.А. ДРАГВЦЕВ

Агрофизический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; dravial@mail.ru

Ни в какие времена — И.В. Сталина, Н.С. Хрущёва, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачёва — трагическая фигура Н.И. Вавилова, агронома, селекционера, географа, этнографа, генетика, не исчезала из поля зрения учёных, исследователей, неравнодушных людей. Специалисты развивают его концепции, историки науки рассуждают над трагическим противостоянием Вавилов—Лысенко и его губительными последствиями для судьбы советской науки. Однако кое-кто стремится обелить одиозную фигуру горенаучного работника, хотя сын Н.И. Вавилова прямо называет Т.Д. Лысенко убийцей отца, обосновывая это документально.